

Основу этого новейшего по времени сборника моих стихотворений составляют послания к молодой женщине, скрытой под именем Фифи. Достигнув известного возраста, когда мужчина опять становится похотливым как подросток, я записал в бешенстве страсти свои местами эротические, местами порнографические признания и видения.

У старого козла Пабло, художника Пикассо, есть поздний цикл гравюр, знаменитая серия «347», где набухшие яйца, вздыбленные члены, вывернутые наружу девки, мятежные быки и агрессивные тореадоры смешаны воедино в космогонию похоти. Вот и у меня получилось нечто подобное в том же возрасте, что и у Пабло. (Впрочем, свистопляска похоти перемежается более спокойными стихотворениями на иные темы.) Что до названия сборника, то, ну конечно, оно смоделировано по названию катулловского цикла «К Лесбии».

И ещё. В 1997 году на окраине Георгиевска, что в Ставропольском крае, мне привелось увидеть посаженного на цепь, почему-то недалеко от церкви, прямо на улице, огромного старого козла. Его привезли для случки из дальней станицы. Седая шерсть клочьями, бешеные глаза, это чудовище рыло копытами землю и ревело, требуя козочек. В сущности, лирический герой моей книги стихов, партнёр Фифи по любовным утехам, порой недалеко отстоит от того сказочного чудовища.

Эдуард Лимонов

Потерпевший кораблекрушение солдат

Лежат на рифах осьминоги
Весь берег крабами богат,
Но Боги, о Большие Боги!
Здесь нет ни девок, ни солдат!

Лишь небо тяжестью накроет,
Когда полуденно красив
Идёт ко мне, идёт и воет
Могучий океан, — прилив:

Лишь ночью звёздами богато,
Бриллиантами освещено,
Ночное небо на солдата,
На выброшенного куда-то
Своё набросит кимоно.

Где я? Здесь Фиджи? Самоа ли?
Необитаема людьми
Улеле? Или Укаяли?
Тебя минуют корабли.

И лишь меня волной прибило.
Как долго буду здесь пленён?
Здесь зелено, здесь очень мило,
Но я один, пусть я спасён...

Какая тонкая Фифи,
Такая нежная такая,
Как будто Вас зовут Софи
И на дворе начало мая.

Но это август нас слепил,
Но это в августе, подружка,
Свой хобот я в тебя вонзил,
О, похотливая зверушка..!

С бутылкою Martini
Шкодлива как коза
Фифи явилась Skinni,
Весёлые глаза

О, мрачный Эдуардо!
Фифи свою встречай,
Кончай глушить «Бастардо»,
Martini наливай!

Трусы снимай с девчонки,
Но медленно снимай,
И градус напряжёнки
Тем самым повышай.

Фифи

Мне зуд шампанского в крови
На сером утреннем рассвете
Бог похоти швырнул: «Лови!».
С ней кувыркайся словно дети!

Ты пахнешь мёдом и мочой
И молоком столь нежно-сладко
Раздвинь же ножки и раскрой
Стыдливый вход в тебе, лошадка!

Доллар: тридцать-двенадцать,
Подшевел «Газпром»
Утро. Пора одеваться,
Ехать и в жизнь вонзаться
Этаким топором.

Утро. Уже газеты
Не развернуть в авто
В вечность ушли Советы
Девушки Гали, Светы,
Их не рождает никто.

Модны Анастасии,
Мальчики все Максимы
Утро в Москве, в России
Все мы ветром носимы
Не все наклонимы выи...

Ф.

Мы будем ехать в пароходе
Вокруг волна, за ней волна...
О, не сиди в каюте, вроде
Ты несчастлива и больна!

Пойдём на палубу, где ветер,
Пойдём в открытый ресторан!
О, слава Богу! «доннер веттер!»
Там нет занудливых цыган!

Играют танго... (Как «Титаник»!
До айсберга часа за два...
Иль на вокзал, перрон «Майданек»
Сгружают трупы, как дрова.)

Прикрой, мой друг, твои коленки,
Прикрой и щель, — хранитель сперм,
Я Вас люблю до расчленёнки
И Вас родивший город Пермь.

Когда же мы пройдем у Даний
И Скагеррак, и Каттегат,
Зелёных волн среди качаний
Средь тошноты, в плену страданий
На узкой койке распластат...

Тогда предстанут нам Бискайи,
Но чтобы не зайти в штормы,
Мы взяли вдруг, и поискали
Сто устриц в отмелях, с кормы...

Смерти Космос молчаливый

Смерти Космос молчаливый
Где угрюмые планеты
Вытянуты, словно сливы,
Совершают пируэты.

Где в кладбищенском метане,
Омываемы эфиром
В хrome, никеле, титане
Носятся вокруг пунктиром.

Замурованы в граниты
Бледные метеориты.

Астероиды в повязках
С маской ужаса на коже
Сотрясаясь в страшных плясках
Ищут в злобе своё ложе.

На боку земли зелёном
В лунном свете на поляны
Им помочь быть приземлённым
Выбегают великаны.

Полифемы краснокожи
Астероидов скликают
И глаза их среди рожи
Одинокие пылают.

Я ел блестящий огурец
И размышлял, что я отец
Двух крошек: паренька и девки...
Но вот какой: Лилит иль Евки?

Ты кем же станешь, Сашка, дочь?
Я не смогу тебе помочь
Поскольку буду в Елисейских
Полях. А не в полях расейских.
Ты кем же станешь, рыжий клопик?
Так маленький, что микроскопик
К тебе бы надо применять...
Не стань отъявленная блядь!

Но прояви себя в искусстве,
В искусстве всё себе позволь.
Как папка твой, купаясь в чувстве,
Ты чти страдания и боль.
Не избегай страданий, Саш!
И ты, Богдан, как папка ваш...

Если поедете в Бухару,
То возьмите меня в Бухару.
Я так люблю большую жару,
Люблю большую жару.

А в той Бухаре будет там базар
Базар будет благоухать,
И будет там проходить Бальтазар.
И бёдрами колыхать,

Станет там белых верблюдов строй,
А на одном из них
Я буду сидеть с молодой женой
Между горбов двоих.

И будет там проходить Гаспар,
А с ним идти Мельхиор
Такой у них в Бухаре базар
Заведён с античных пор.

Там будут пахнуть чеснок с хурмой,
Цвести на холмах кизил.
Я так хочу, чтобы там со мной
Местный султан дружил.

Там козочек-девок в сандалиях
Ловить буду, лапать всех
Цветёт в феврале там миндаль, и ах!
Цветёт в январе орех...

Создам для себя я большой гарем,
Где жаркие тела
Меня отвлекут от тяжёлых тем
На долгие три часа...

Из Инглана крошку мне украдут
И украдут из Китая,
В гареме сладко они запоют,
Философа убажая.

СПБ

Глухие улицы ночные
И мрачноваты и пусты
Стоят дома, как домовые,
Как будто дамы пиковые...
Двоятся на Неве мосты.

Под брызгами дождя на стёклах
Автомобиля моего
Охранники сидят промокло
И ждут неведомо чего
Но лишь приказа моего.

Когда-то этот город чудный
С одной актрисой рассекал
Роман имел с ней непробудный
На Пряжке жил, отель был мал,

«Матисов дворик» назывался
Был рядом сумасшедший дом,
Дом сумасшедшим и остался,
А мы с актрисой не вдвоём.

У нас есть детки молодые,
У деток будет жизнь своя.
Но в том, что мы с тобой чужие,
Виновна ты, невинен я...

Я не хочу стать грустным стариком,
Я лучше буду воином и трупом,
Прикрытым окровавленным тулупом,
С другими убиенными рядком.
Я не хочу быть грустным стариком.

Я слушал пение кастратов,
Луна светила, падал снег
То сер, то грязно-розоватов
Один в ночи, вдали от всех
Я слушал пение кастратов

Не диск таинственный винила
С иголкою соединясь
Мудей магическая связь
Из Беловодия стремясь
Ко мне межзвёздность приносила...

И дома нет, и нет семьи
Утащены волною дети
А я сижу при лунном свете
Поют скопцы как соловьи
Что им отъяли штуки эти

Заносится горячий нож
Секущий горло ледяное
Поёшь, поёшь, поёшь, поёшь,
Пока он падает, стальное
Сечёт им связки лезвиё
И плачет и скорбит зверьё...

Я слушал пение castrati
Виттори, Сато, Фолиньяти
Их визг, свистящий из ночи
Поскольку режут палачи.

Монета

Ф.

Простая медная монета —
Ты, греком созданный «обол»,
В ходу была ты в час рассвета
У гладиаторских у школ

Тебя рабы передавали
Платя за уголь и вино
Тебя гетеры принимали
В час когда станет всё равно

Взамен цистерция и драхмы
Вот я возьму тебя с собой
И там такой устроим трах мы
Значительный и непростой

Воспользовавшись твоим полом
Проэксплуатировав всю ночь
Я расплачусь с тобой «оболом»,
Моя развратнейшая дочь!

В лагерях великие дали
В лагерях огромное небо
Все занозы видны, детали
И забора и булки хлеба

Там на вышках стрелки с чубами
Нам покрашены ярко-ярко
Эти девки играют с нами
Посылая губов подарки

А в руках у них карабины
А глядят они, кареоки,
Как внизу мельтешат мужчины
И убоги и одиноки.

Девки красивые, девки печальные
Сиськи спесивые, письки нахальные.
Девки, глядящие в зеркало,
«Жизнь бы меня не коверкала

Лучше бы тихо лизала
Я бы счастливо лежала...»
Девки лежат с кавалерами
Либо слились с интерьерами.

В «свете»

Какого Фета нужно вам
От этих безобразных дам?
От этих котиков морских
В нарядах сложных и смешных...

Жабо у той, волан у этой
Ну Боже мой, какого Фета!
Ты затесался в это стадо
Больших животных зоосада!

Какого Фета, право слово!
Алкая девушек Крамского

Высоких незнакомок с перьями
Ошибся ты, чудака мой, дверьями...

Фифи: 1920

На ломберном столе так сладко
Играет тихо граммофон
С яйцом, подкипячённым всмятку,
Лежит Линней (или Бюффон?)

За этим столиком трофейным,
Фифи, ты утро провела,
Откушала конфет с портвейном
И снова бродишь у стола...

С тебя стекают платья струи...
После полудня, наконец,
Звонит тебе твой милый Луи,
Убийца, гангстер и подлец...

«Договорились. В полшестого!»
И, бросившись в постель опять,
Ты спишь, зверёк, темноголово,
Предвосхищая, как сурово
Тебя без жалости, без слова
Брутальный Луи будет мять.
Скорей доспать бы к цифре «пять»!

Ленни

Поехать бы в Копенгаген
Снять себе тёплый номер
В отеле у Northern Sea
И пригласить девчонку
Дырку, ямку, воронку,
Заставить её: «Соси!»

Грудь этой особы
Самой высокой сдобы
Заправлены в кружева
Она как крестьянка практична
Как шлюха она неприлична
Как дьявол она жива

Её угощая шнапсом
Поглаживая по попе
Сидеть буду я в Европе
В её королевстве датском
Смотреть буду из окна
И будет бляеть она...

Такие мои вот планы
Не нужно мне, нет, нирваны
Но бритой датчанки щель
А за окном метель
Пусть зло замечает проливы
Чтоб были бы мы счастливы...

...Селёдка... пирог мясной...
И ляжет она со мной
Живот у неё большой
И маленькие колени
Зовут её фройляйн Ленни
Русалка страны водяной.

К Фифи (подражание Катуглу)

I.

Я на старости лет связался с сучкой
Я добыл её в недрах Интернета
Двадцать восемь Фифи (а я — колючка:
Двадцать восемь плюс тридцать восемь: лета)

О, Фифи! У тебя ребёнка тело!
Хоть сама ты ребёнка и имеешь
У меня с тобой чувственное дело
Под моими ласками ты млеешь.

Я тебе, о Фифи, противен, видно!
До конвульсий, до сладкого «прихода»
Нет, мне это нисколько не обидно
Создала вас, проклятых дырок, так природа!